

Горьковский рабочий
г. Горький

ИСКУССТВО

ВСТРЕЧА ЗАПОЗДАЛАЯ, НО ПАМЯТНАЯ

Ведущая актриса Минского театра Александра Климова была нездорова и вышла на нашу сцену в «Бесприданнице», когда время отмерило уже половину гастрольного срока.

Вряд ли в этот субботний вечер в зале театра был хоть один человек, ранее не видевший пьесы Островского, не знакомый с ней, не помнивший ее образов в сценическом воплощении. Правда, за последние годы Островского играют нечасто: декать, зрителям, не слишком хорошо известны. Очень уж легко некоторые театры уступают великого драматурга прошлому. А он — нынешний, он нужен людям сегодня, и спектакль, поставленный народной артисткой РСФСР Верой Павловой Редких, — еще одно неопровержимое тому доказательство.

Да, мы наперед знаем, что произойдет на сцене через ми-

нуту, через час и чем кончится трагически несчастливой жизни Ларисы Огудаловой. Знаем, и все же на протяжении всего спектакля находимся в том напряженном и сладостном волнении, переживать которое — смысл, высшее наслаждение, какое способен давать театр.

Этим волнением мы прежде всего обязаны народной артистке БССР А. Климовой. Изумительно чистой, поэтичной и совершенно не защищенной от окружающего зла предстает перед нами ее Лариса. Кругом нее все показное, ненастоящее, фальшивое (в обнажении этой фальши, думается, главное зерно режиссерского замысла); вихряты клубы пыли, пускаемой в глаза маменькой Харитой Игнатьевной

(нар. арт. БССР А. Обухович), Карандышевым (арт. А. Корсаковский), Паратовым (нар. арт. БССР И. Шатилло), Кнуровым (К. Кулаков), Робинзоном (засл. арт. БССР М. Сокол).

Мелочная мешанка лезет из кожи вон, чтобы казаться аристократкой. Ничтожный пигмей пыжится, чтобы выглядеть атлетом. Промотавшийся кутила разыгрывает из себя бесстрашного сверхчеловека. Старый, похотливый селадон прикидывается благородным интеллигентом, а спившийся актер — английским лордом.

И лишь одна Лариса никем не пытается казаться, а хочет быть только сама собой, только такой, какой она есть, — нисколько не лучше и не хуже. Ни одной

фальшинки, ни одной искусственной мелодраматической ноты не пробивается в игре актрисы, а есть в ней тот искренний трепет, тот внутренний нерв, который, увы, не так часто обна-

жается на сцене и без которого конечно же играть героинь Островского нельзя и, пожалуй, не имеет смысла.

Лариса Климовой не принадлежит к разряду натур сильных и волевых. В общежитейском смысле она скорее человек слабый, совсем не имеющий сил, чтобы противиться чужой и чаще всего недоброй воле. Она не хочет встречи с Паратовым, боится ее и сначала пытается защититься от Сергея Сергеевича чуть протянутыми вперед руками, а через секунду эти руки, только что пытавшиеся оттолкнуть его, беспомощно простираются ему навстречу. И ехать с ним за Волгу Лариса тоже не хочет, но, любя Паратова всей душой, всем существом своим,

не может ему отказать, потому что отказ будет ему неприятен, а ей прежде всего надо, чтоб любимому было хорошо. Даже в финальной сцене у жестоко обманутой и оскорбленной, во всем изверившейся, отчаявшейся Ларисы нет сурового и гневного приказа Карандышеву оставить ее в покое, а есть просьба, которую — Лариса очень боится

этого — он может не выполнить.

В одном из своих рассказов Иван Бунин сказал: «Женщины никогда не бывают так сильны, как когда они вооружаются слабостью». Лариса Огудалова, с которой нас познакомил А. Климова, слабостью не вооружается — просто она настолько женственна и не защищена, что слабость становится ее силой, такая это добрая и человеческая слабость. И в этом — один из новых оттенков прочтения старой роли, для которой актриса из Минска нашла много сердечного тепла и те артистические средства, чтобы передать его зрителям в образе художественном и завершённом.

С. ФИХ.